

**ИДЕИ ХРИСТИАНСКОЙ
КУЛЬТУРЫ
В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ
ПИСЬМЕННОСТИ**

ББК 85.113(2р-4См)

И 29

**ИДЕИ ХРИСТИАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ИСТОРИИ
СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ:** Материалы научной
конференции, 24 мая 2000 г. – Смоленск: СГПУ, 2000. – 296 с.

Редакционная коллегия:

профессор Ильин В.В. (ответственный редактор),
профессор Кондрашенков А.А.,
профессор Меркин Г.С.,
профессор Троицкий Е.Ф.,
доцент Ефременков М.С.,
доцент Ковалева В.С.

За две тысячи лет своего существования христианский мир достиг высокого уровня духовной и материальной культуры. Научная конференция затронула разные ее аспекты, преимущественно гуманитарного плана: фольклор, литература, история, язык, образование и т. п.

Книга предназначена для преподавателей вузов, учителей школ, работников культурно-просветительных учреждений, студентов, учащихся старших классов общеобразовательных школ и всех, кто любит свой край в его историческом развитии, поскольку авторы в основном опирались на источники местного краеведческого плана.

ISBN 5-88018-253-3

© СГПУ, 2001

Содержание

РАЗДЕЛ I

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>В.В. Ильин</i>	
ХРИСТИАНСКИЙ ПОДВИГ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА	3
<i>Я.Р. Кошелев</i>	
ПОВЕСТЬ О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ	10
<i>М.С. Ефременков</i>	
ТЕМЫ И МОТИВЫ ХРИСТИАНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В СМОЛЕНСКОЙ НАРОДНОЙ ЛИРИКЕ	15
<i>А.В. Максимов</i>	
ХРИСТИАНСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В МАЛЫХ ЖАНРАХ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА	24
<i>Г.Н. Ермоленко</i>	
БИБЛЕЙСКИЕ ОБРАЗЫ И МОТИВЫ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО "ИДИОТ"	28
<i>Е.О. Кузьменко</i>	
ИДЕИ ХРИСТИАНСКОГО ПРАВОСЛАВИЯ В ПРИТЧАХ, ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО "БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ"	37
<i>Т.А. Щелчкова</i>	
ТРАГЕДИЯ БОРИСА И ГЛЕБА, ИЛИ ЗНАЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МОРАЛИ ДЛЯ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ И ПРОГРЕССИВНОГО РАЗВИТИЯ РУСИ (на примере рассказа о Борисе и Глебе по Радзивиловскому списку и образа Николая Ставрогина в романе Ф.М. Достоевского "Бесы")	42
<i>Д.Н. Баринев</i>	
ТЕОГУМАНИСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ИДЕИ (Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И С.Л. ФРАНК)	50

<i>Т.А. Семенцова</i> П.М. НЕВЕЖИН И А.Н. ОСТРОВСКИЙ (к творческой истории комедии "Блажь")	54
<i>С.Ю. Дзюба</i> КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР В ПИСЬМАХ "ИЗ ДЕРЕВНИ" А.Н. ЭНГЕЛЬГАРДТА	58
<i>С.А. Локтева</i> А.М. СКАБИЧЕВСКИЙ О ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ	63
<i>Т.М. Кирюткина</i> С.Ф. ШАРАПОВ И А.С. АКСАКОВ О НРАВСТВЕННОМ НАЧАЛЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ.	66
<i>В.В. Смирнов</i> ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА ..	77
<i>В.Е. Захаров</i> "БЕЛАЯ ГВАРДИЯ" И "ОТКРОВЕНИЕ ИОАННА БОГОСЛОВА" (К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКОМ СМЫСЛЕ РОМАНА М.А. БУЛГАКОВА)	83
<i>Т.В. Савченкова</i> ХРИСТИАНСТВО И ЯЗЫЧЕСТВО В ТВОРЧЕСТВЕ И МИРОВОЗЗРЕНИИ И.С. СОКОЛОВА-МИКИТОВА	93
<i>Л.Г. Смирнова</i> ТВОРЧЕСТВО А.Т. ТВАРДОВСКОГО И ХРИСТИАНСТВО ...	101
<i>В.А. Дзюбалов</i> ГУМАНИЗМ ДУХОВНОГО МИРА А. ТВАРДОВСКОГО ..	108
<i>О.А. Новикова</i> ПАМЯТЬ О "МАЛОЙ РОДИНЕ". А.Т. ТВАРДОВСКИЙ НА ПУТИ К РОМАНУ "ПАН"	118
<i>С.Р. Туманова</i> ОБРАЗ МОСКВЫ В ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЛИРИКИ А.Т. ТВАРДОВСКОГО	122
<i>Т.Н. Чернышева</i> ВРЕМЕНА ГОДА В ЛИРИКЕ Н.И. РЫЛЕНКОВА	127

<i>В. А. Карнюшин</i>	ИКОНА БОГОМАТЕРИ "УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ" В ОДНОИМЕННОМ РОМАНЕ Б. ВАСИЛЬЕВА	135
<i>Г. С. Меркин</i>	БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ЛИРИКЕ БЕЛОРУССКИХ ПОЭТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА. (Я. КОЛАС И М. БОГДАНОВИЧ)	141
<i>Л. А. Агиенко</i>	БИБЛЕЙСКИЕ И ЕВАНГЕЛЬСКИЕ МОТИВЫ И ОБРАЗЫ В ДРАМАТУРГИИ ЛЕСИ УКРАИНКИ	148
<i>А. И. Ярошук</i>	ХРИСТИАНИЗАЦИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ, ЕЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ВОПЛОЩЕНИЯ В РОМАНЕ ПАВЛА ЗАГРЕБЕЛЬНОГО "СМЕРТЬ В КИЕВЕ"	154
<i>Н. В. Кузина</i>	ОБРАЗ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ В ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ	159

РАЗДЕЛ 2

ЛИНГВИСТИКА

<i>Е. Н. Борисова</i>	ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ СТАРОСЛАВЯНСКОЙ И РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ ПЕРИОДА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ КАК ЯЗЫКА НАЦИИ	171
<i>Л. З. Бояринова</i>	СЛАВЯНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА	177
<i>И. А. Королева</i>	ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФАМИЛИЙ	181
<i>В. С. Картавенко</i>	СВЯЗЬ СМОЛЕНСКИХ ТОПОНИМОВ С НАЗВАНИЯМИ ЯВЛЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОГО ХАРАКТЕРА	190
<i>О. Н. Бойцов</i>	НАЗВАНИЯ ХРИСТИАНСКИХ ПРАЗДНИКОВ В ТОПОНИМИИ СМОЛЕНСКОГО КРАЯ	194

<i>Н.А. Максимчук</i>	АССОЦИАТИВНО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОН ЛИЧНЫХ ИМЁН И ЕГО ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОТРАЖЕНИЕ	200
<i>В.А. Королькова</i>	ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ -ЕНЬ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ	205
<i>З.А. Мирошникова</i>	О ВТОРИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЁН ДЕЙСТВИЯ	211
<i>Е.Ф. Троицкий</i>	ЧЕЛОВЕК КАК ЗНАК-СИМПТОМ (ПО РОМАНУ И. ШМЕЛЕВА "ПУТИ НЕБЕСНЫЕ")	226
<i>В.С. Ковалева</i>	КОНСТРУКЦИИ С ОДНОСОСТАВНЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ В РОМАНЕ И.С. ШМЕЛЁВА "ЛЕТО ГОСПОДНЕ"	231
<i>М.В. Ливанова</i>	РЕЛИГИОЗНАЯ ТЕМА В СМОЛЕНСКОЙ ПРЕССЕ (ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	237

Раздел 3

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ. КУЛЬТУРА

<i>Е.А. Шмидт</i>	ХРИСТИАНСТВО И ИЗМЕНЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ЯЗЫЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ У КРИВИЧЕЙ В XI - XIII ВЕКАХ 244	
<i>А.Г. Егоров</i>	ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ АРХАИЗАЦИИ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ	249
<i>А.А. Кондрашенков</i>	СМОЛЕНСК В "СМУТНОЕ ВРЕМЯ"	255
<i>С.В. Александров</i>	ЛЕГЕНДА О ВЗРЫВЕ СМОЛЕНСКОГО СОБОРА В 1611 г. ...	259

<i>Л. В. Сеницына</i>	
КРЕСТЬЯНСКИЙ КОСТЮМ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ НА СМОЛЕНЩИНЕ	263
<i>А. Т. Смирнова</i>	
К ИСТОРИИ ЗОДЧЕСТВА СМОЛЕНСКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII ВЕКА	271
<i>Д. И. Будаев</i>	
“ЧЕРНОРАБОЧИЙ НАУКИ” (учитель епархиального женского училища и краевед И. И. ОРЛОВСКИЙ)	275
<i>Н. В. Никитина</i>	
К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДУХОВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА	280
<i>И. Б. Красильников</i>	
ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕРКВИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (по материалам Смоленской области)	284

РАЗДЕЛ I

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.В. Ильин

ХРИСТИАНСКИЙ ПОДВИГ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА СВЯТОСЛАВИЧА

Владимир Святославич вошел в историю нашей страны как великий Киевский князь (978-1015 или 977-1014), “святой и равноапостольный”, который, по словам летописца, “землю вспахал и размягчил”, “крещением просветил” Русь, которая при нем приняла новую, христианскую веру. В течение столетий о нем славились легенды и былины, сказания и песни, создавались сказки и литературные произведения самых различных жанров и видов.

Одним из древнейших памятников словесного искусства, восславивших его великие заслуги перед святой Русью, является по праву “Память и похвала князю русскому Владимиру, как крестился Владимир и детей своих крестил, и всю землю Русскую от края и до края, и как крестилась бабка Владимира Ольга, до Владимира. Списано Иаковом мнихом”¹.

Это своеобразное по содержанию и форме произведение XI века сохранилось, к сожалению, лишь в позднейших списках XV-XVII веков. Правда, их насчитывается более десятка, что служит свидетельством его широкого распространения. Старейший список 1494 года, впервые опубликованный в “Записках Академии наук по историко-филологическому отделению” В.И. Срезневским, в современных исследованиях принят за основной².

Автор “Памяти и похвалы...” указал свое имя в заглавии произведения. Он, как теперь установлено, действительно был монахом Ки-

ево-Печерской лавры. В "Повести временных лет" имеется сообщение о том, как увенчанный славой, святой старец этого монастыря Феодосий, находясь на смертном одре, рекомендовал Иакова мниха, как самого достойного инока, своим преемником, архимандритом. Однако монашеская братия не приняла предложения своего духовного пастыря, сославшись на то, что Иаков не был постриженником Печерского монастыря, а прибыл со стороны, "пришел с Лытца", следовательно, из другого монастыря, расположенного на реке Альте, недалеко от Переяславля Русского, хотя и там он не был в числе старожилов, а прибыл как странствующий по свету монах, "калика переходной".

Первый исследователь памятника, академик В.И. Срезневский на основе анализа литературной продукции Иакова, и из других источников установил, что этот монах-паломник был выходцем из Смоленской земли, что, безусловно, возвышает его в наших глазах, хотя главная заслуга его в том, что он одним из первых писателей Древней Руси дерзнул поведать миру о великом русском князе.

Перечислив в самом начале своего произведения евангелистов и апостолов, Луку и Павла, а также "достопочтенных" ученых старого времени, Тимофея и Феофила, опираясь на их литературный опыт, он попытался раскрыть существо великих деяний крестителя Руси. "Так же и я, – пишет он, – слышав от многих о благоверном князе всей Русской земли Владимире, сыне Святослава, и мало собрав от многой добродетели его, написал о нем и о его сыновьях, – говорю о святых славных мучениках Борисе и Глебе, – о том, как просветила благодать Божья сердце князю Владимиру, сыну Святослава, внуку Игоря, и возлюбил его человеколюбивый Бог, хотящий спасти всякого человека и в разум истинный привести, и как возжаждал он святого крещения" (129).

Странно, что в произведении, состоящем исключительно из восторженных восхвалений, ни единым словом не сказано о всеобщем признании Владимира, о его канонизации как святого, в то время как о сыновьях его в христианском браке, Борисе и Глебе, говорится, как о "святых славных мучениках". Конечно, усилиями Киевского князя Ярослава Мудрого, сына Владимира, его братья по отцу были причислены к лику святых раньше отца, хотя они, может быть, совершили во стократ меньше христианских благодеяний, чем он, крестивший "всю землю Русскую". Совершенно очевидно, что перед Иаковом была поставлена, в связи с изложенным, задача – рассказать ясно и убедительно, используя разные источники, как устные, так и письменные, о великом подвиге Киевского князя, прославить

его в веках, чтобы смог он беспрепятственно занять достойное место в ряду других святителей христианской церкви. “Память и похвала...”, если судить по начальным строкам произведения, было ориентировано не столько на русского, сколько на вселенского читателя; именно по этой причине в нем с самого начала фигурируют Лука и Павел – люди, видевшие Христа и общавшиеся с ним, писавшие и рассказывавшие о нем в Евангелии и своих проповедях.

Придерживаясь традиций Десятиной церкви, опираясь на высказывания духовного брата по Печерскому монастырю, митрополита Илариона, Иаков с огромной настойчивостью добивался посредством своего сочинения канонизации Владимира и его бабки, княгини Ольги, справедливо полагая, что они вполне достойны быть “равноапостольными” святыми, и что Византийский патриархат, по его убеждению, не имеет никакого права препятствовать этому, поскольку православная вера на Руси распространилась не по прихоти Константинополя и его патриархата, а по воле Божьей. Вот почему в “Памяти и похвале...” не фигурируют известные византийские проповедники – казалось бы, автор должен был упомянуть их прежде всего, – а названы имена апостолов Иисуса Христа и их современников. Вполне очевидно, что в период работы Иакова над сочинением в Киево-Печерской лавре составлялась “Повесть временных лет” – начальная русская летопись, к созданию которой, кроме знаменитого Нестора мниха, были также причастны Иларион-Никон (в монашестве) и Иаков мних. Это с их общего согласия так называемая “историческая” часть “Повести...” открывалась легендой о святом Андрее Первозванном (первом “посланнике”, ученике Христа), который по пути в Рим приплыл в устье Днепра и, поднявшись вверх по реке, стал под горами на берегу. “Видите ли горы эти, – сказал он находившимся с ним ученикам. – На этих горах воссияет благодать Божия, будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей. И взошел на горы эти, благословил их, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы этой, где впоследствии возник Киев, и отправился по Днепру вверх”³. Затем он посетил также место, где через много лет спустя возникнет великий Новгород. Там его удивило, как славяне мылись в банях. Прибыв в Рим, апостол Андрей подробно рассказал об этом: “Дивно видехъ Словенскую землю идучи ми семо. Видехъ бани древены, и пережгутъ е рамено, и солокуться, и будучи нази, и облекутъ квасомъ уснинымъ, и возмутъ на ся прутья младое, и бьютъ ся сами, и того ся добьютъ, едва вылезутъ ле живи, и облекутъ водою студеною, и тако ожить” (П., 26). Легенда об апосто-

ле Андрея, существовавшая, как утверждают ученые, до составления “Повести временных лет”, вписана была в нее с определенной целью – чтобы показать, что Русская земля независимо от Византии и не позже, чем она, приобщилась к православной вере. Могучее учение Иисуса Христа проникло на Русь не через Византию, а непосредственно, через святое слово его первого апостола.

“Память и похвала...” имеет в своем составе две части, отличающиеся и по содержанию, и по форме. В первой – воздается хвала Владимиру, по собственной инициативе крестившему Русь. «Как жаждет олень источника водного, – пишет автор, – так возжаждал благоверный князь Владимир святого крещения, и Бог исполнил желание его, ибо пишется: “Желание боящихся его он, исполняет, вопль их слышит и спасает их”» (Зл., 129).

Во второй части воспроизводятся конкретные факты крещения. Свою идею о духовной и религиозной независимости Руси от Византии Иаков мних подкрепляет словами: “Бог праведный, познающий сердца и утробы, все прежде ведающий, и просветил сердце князю Русской земли Владимиру, чтобы принял тот святое крещение” (Зл., 30).

Так в произведении раскрывается первая, основная причина, побудившая Киевского князя сменить старую языческую веру на новую, христианскую. Вторая причина кроется в деяниях княгини Ольги, которая за 40 лет до официального принятия новой веры на Руси (959 г.) совершила обряд крещения в Царьграде, и уже будучи христианкой, настойчиво склоняла своего сына Святослава к новой вере, но всякий раз он отклонял ее домогательства, ссылаясь на то, что дружина не поймет его и, более того, будет смеяться над ним. После ряда тщетных попыток добиться своей цели – окрестить сына, – она все свои духовные чары обратила на внука Владимира, который рос под ее повседневным наблюдением. Усилия ее в конечном счете увенчались успехом, потому что именно бабка заронила в его сознание идеи христианского учения.

С гордостью и нескрываемым пиететом Иаков мних говорит о торжестве народа Русского, который получил из рук Владимира новую веру как благодать. “О блаженное время и день добрый, исполненный всякого блаженства, в который крестился князь Владимир <...> О сколько радости и веселья было на земле”, – восклицает он. Собственно на этом исчерпывает свои художественные возможности первая “похвальная”, “красно-украшенная” часть произведения, составленная по преимуществу из торжественных слов и выражений.

Вторая часть сочинения Иакова мниха художественно воспроизводит обозначенную в заголовке тему памяти. В стилистическом плане она явно отличается от первой части своей конкретностью, обилием фактов, их истолкованием. Из нее мы узнаем, что при крещении Владимир получил новое имя – Василий, а Ольга стала Еленой. Это уже были истинные христиане, с психологией и манерами поведения православных людей. Между прочим, о внутреннем перерождении Владимира-христианина по сравнению с Владимиром-язычником писали, кроме Иакова, и другие древнерусские авторы. Эти коренные изменения в психологии, характере, поведении Киевского князя запечатлел и Нестор в “Повести временных лет”. Владимир, отмечает он, стал добрее, милосерднее, мягче, сговорчивее, щедрее. По словам Иакова мниха, “не только в дому своем милостыню творил, но и по всему городу, и не в Киеве одном, но и по всей земле Русской – и в городах, и в селах – везде милостыню творил: нагих одевая, голодных кормя, жаждущих напоая, странников одаряя милостью, церковников почитая и любя, и милуя, подавая требуемое: нищих и сирот, и вдовиц, и слепых, и хромых, и больных – всех милуя, и одевая, и кормя, и напоая” (Зл., 133-134).

Приняв крещение, Владимир, как утверждает автор, начал решительно уничтожать реликты и остатки прежней веры: “разрушил храмы идольские с лжеименными богами”, “требища повсюду раскопал и посек, идолов сокрушил”. Конечно, нелегко ему было пересилить себя; свое княжение он начал с обновления языческой веры. На холме в Киеве он поставил “кумиры” – скульптурные изображения Перуна, Велеса, Хорса и других языческих божеств и заставил всех поклоняться им и приносить жертвы. “Повесть временных лет” так рассказывает об этом событии: “И нача княжити Володимиръ въ Кыеве един, и постави кумиры на холму, вне двора термаго: Перуна деревянна, а главу его серебряну, а ус злат, и Хорса, и Дажьдбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Макошь” (П., 94).

Теперь же, после крещения, он приказал уничтожить их, как говорится, стереть с лица земли. Перуна «привлекше вринуша и въ Днепръ. И пристави Володимир, рек: “Аще кде пристанеть, вы отревайте его от берега, дондеже пороги проидеть, то тогда охавитеся его”. Они же повеленая отвориша. Яко пустиша и проиде сквозе пороги, изверже и ветръ на рень, и оттоле прослу Перуня Рень, якоже и до сего дне словеть». (П., 132).

Разорив кумирни, Владимир повелел церкви христианские строить повсюду. “После святого крещения, – пишет Иаков мних, – пожил князь Владимир 26 лет. На другое лето после крещения к порогам ходил, на третье – Корсунь-город взял, на четвертое лето церковь каменную святой Богородицы заложил, а на пятое лето Переяславль заложил. В девятое лето блаженный и христоробивый князь Владимир десятину дал церкви Святой Богородицы от имущества своего. Об этом ведь сам Господь сказал: “Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше”. Блаженный князь Владимир сокровище свое на небесах имеет, сокрытое в милостыне и добрых своих делах – там и сердце его, в царстве небесном” (Зл., 135).

И первая и вторая части “Памяти и похвалы...” преследуют одну, основополагающую мысль автора – о “равноапостольстве” Князя Владимира. Не случайно уже с первых строк в произведение введены образы “святого апостола Павла, церковного учителя и светила всего мира”, за ним представлен “блаженный апостол евангелист Лука”, потом Иаков мних подключает к ним пророка Давида, царя Иезекию, “треблаженного” Осию и великого Константина, “первого царя христианского”. И вот в этом едином строю с ними он представляет русского князя Владимира Святославича. “И ты, – пишет он, – блаженный князь Владимир, подобное Константину великому сотворил”. И здесь Киевский князь выступает не только как креститель Руси – значение его деятельности расширяется до всемирных масштабов, ибо “он верой великой и любовью Божьей подвигнулся, утвердил всю вселенную любовью и верой и святым крещением просветил весь мир, и закон Божий по всей вселенной заповедал” (132).

Литературное произведение Иакова мниха своеобразно не только по содержанию, но и по своему жанру и стилю. Первая – “похвальная” – часть составлена преимущественно из торжественных слов и выражений самого высокого толка. По своей сути она может рассматриваться как предтеча эпидектического красноречия, достигшего к XII веку заоблачных высот. “Память и похвала...” изобилует сочными эпитетами, оригинальными сравнениями; часто используются в нем обращения, неоднократно автор ссылается на библейские сюжеты и другие священные тексты, привлекает яркие исторические аналогии. Все важно для него – и события, и люди, и размышления их. Эта часть произведения имеет явные выходы к житийным литературным жанрам, набиравшим в это время свои силы. Высокий торжественный стиль органически войдет в эту ли-

тературу, укрепив ее с внутренней стороны. По ее контурам будут составляться церковные псалмы и молитвы, наличие которых обязательно для всех агиографических жанров.

И в то же время “Память и похвала...” – это и не житие, и не похвала в духе русского торжественного красноречия: произведение по сути находится на стыке нескольких жанров древнерусской литературы, оно синкретично. Может быть, от него получают свое развитие основные виды словесности Древней Руси. От житийной литературы его отличает полное отсутствие биографии героя – Владимира, необычное для греческих житий. В произведении нет “чудес”, обычно совершаемых в такого рода сочинениях святыми избранниками. Иаков мних не только не пользуется этим “житийным” приемом повествования, но решительно выступает против него. “Не удивимся, возлюбленные, – пишет он о Владимире, – что чудес не творит по смерти – многие ведь святые праведники не сотворили чудес, но святыми являются” (132). И в подкрепление он единственный раз ссылается на высказывание греческого христианского проповедника, Иоанна Златоуста, когда-то изрекшего: «От чего узнаем и разумеем святого человека – от чудес или от дел? И сказал: “От дел узнаем, а не от чудес” – много ведь и волхвы чудес сотворили бесовским образом. Ведь бывают святые пророки, а бывают лжепророки, слуги и помощники дьявола, бывает и такое чудо, что сам сатана преображается в ангела светлого» (132).

Созданное более девятисот лет тому назад – и со слов “многих послухов” (устных рассказчиков), и может быть, с опорой на какие-то отрывочные письменные сюжеты, вошедшие затем в состав “Повести временных лет”, литературное произведение Иакова мниха воспроизвело тот чистый колокольный звон, который прозвучал в напряженной атмосфере, сложившейся на Руси в период острейшей борьбы за идейную самостоятельность русской православной церкви. В наши дни, когда весь мир отмечает 2000-летие рождества Иисуса Христа, “Память и похвала...” князю русскому Владимиру, крестившему Русь, приобретает особый смысл, как подвиг на ниве святого дела. В плане литературном произведение содержит целый спектр насущных проблем, которые молодая русская литература решала веками. Приходится сожалеть, что за девятьсот лет существования этого произведения к нему почти не прикасались персты любознательных исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Память и похвала князю русскому Владимиру, как крестился Владимир и детей своих крестил и всю землю Русскую от края и до края, и как крестилась бабка Владимира Ольга, до Владимира. Списано Иаковом мнихом. (Месяца июля, в 15 день) // Златоустрий. Древняя Русь X-XIII веков. – М.: Молодая гвардия, 1990. Далее ссылки на это издание указываются в тексте под шифром Зл.

² Записки Академии наук по историко-филологическому отделению. – СПб., 1987. – № 6. – С. 2-8.

³ Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача першее княжити, и откуда Русская земля стала есть / Памятники литературы Древней Руси. XI-начало XII века. – М.: Худож. лит., 1976. – С. 27. Далее см. ссылки в тексте под шифром П.

Я. Р. Кошелев

ПОВЕСТЬ О МЕРКУРИИ СМОЛЕНСКОМ И ФОЛЬКЛОРНАЯ ТРАДИЦИЯ

Повесть – это название было принято в литературоведении более позднего периода. Исследователи XIX века (Ф. Буслаев, Арс. Кадлубовский) называли ее легендой. По предположению, она возникла вследствие того факта, что Смоленск уцелел от татаро-монгольского разорения, в то время, когда этой горькая участь постигла другие русские города. Заступничество оказала Богоматерь, она сжалилась над городом, когда люди в горе, в виду приближения к Смоленску Батия, молились Богу в церкви. Богоматерь явилась в храме и через некоего пономаря призвала благочестивого воина Меркурия и повелела ему поразить татар; самому ему был обещан мученический венец и небесное царство. Меркурий исполнил веле-ние, враги были разбиты, но ему отсекли голову (по одной версии – ангел, по другой, сын убитого татарского исполина). Меркурий, сам неся свою голову в руках, приходит в город.

Крупнейший исследователь повести о Меркурии Смоленском середины XIX века Ф.И. Буслаев, основные доводы которого остаются непоколебимыми и до нашего времени, относил ее к важнейшим произведениям древнерусской литературы. И определил ее место в этой